

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

АТАКА ВСЛЕПУЮ

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

Александр Карпов

Атака вслепую

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карпов А. Н.

Атака вслепую / А. Н. Карпов — «Эксмо», 2022 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков)

ISBN 978-5-04-179133-9

Исключительные по своей правде романы о Великой Отечественной. Грохот далеких разрывов, запах пороха, лязг гусениц — страшные приметы войны заново оживают на страницах книг, написанных внуками тех, кто в далеком 1945-м дошел до Берлина. Весна 1943 года. Красная Армия готовится к наступлению. На одном из участков продвижению наших подразделений мешают вражеские минометные батареи. Для выявления их позиций в расположение гитлеровцев отправляются разведчики во главе с Егором Щукиным. Пройдя передний край, бойцы обнаруживают первую минометную батарею и обозначают ее для наших артиллеристов дымовыми шашками. Потрясенный враг открывает по разведчикам шквальный огонь. Уцелевший Щукин выявляет еще одну батарею врага, но навести на нее наших артиллеристов уже нечем. Понимая, что задание нужно выполнить во что бы то ни стало, Егор решается на отчаянный шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179133-9

© Карпов А. Н., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Карпов

Атака вслепую

© Карпов А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Иллюстрация на обложке Вячеслава Остапенко

* * *

Глава 1

– Ну, родимая! – прокричал парнишка-коновод худенькой лошаденке, старательно и натужно тянувшей за собой скрипучую повозку, по обеим сторонам которой свешивались обу-тые в грязные ботинки ноги сидевших в ней солдат.

Едва не перевернувшись на бок из-за внезапно утонувших в грязи колес по одному борту, повозка качнулась, сильно накренилась, но тут же выровнялась, перескочив через заполненную водой канавку на дороге.

– Ровнее держи! Чего она у тебя все время на сторону заваливается? – заворчал один из седоков в адрес коновода, возмущаясь сильному раскачиванию телеги. – По минному полю едем. Вон, повсюду таблички торчат!

После этой фразы все как один пассажиры повозки, облаченные в грязные, выдавшие виды солдатские ботинки, стали бороздить испуганными взглядами обочину дороги, отыскивая таблички, установленные когда-то саперами для тех, кто следовал этим путем на транспорте, пешком или верхом. Они попадались кое-где, особенно в тех местах, где только успел сойти снег и простилался прошлогодний, сильно примятый под тяжестью влаги, пожухлый травяной ковер. Утешающие душу таблички с надписями «Мин нет!», с указанием ниже звания и фамилии ответственного за разминирование данного участка лица, стояли по обе стороны от утопающей в весенней распутице дороги. Часто слова на табличках уже и не были видны за давностью времени их написания, смытые дождями и овечьими ветрами, но бывалые водители и коноводы, не раз проезжавшие именно этим маршрутом, помнили, что на них было написано.

Перемальвая копытами, ногами и колесами повозок мягкий, с обилием влаги, чернозем, налипавший, вперемешку с дорожной глиной, на все, что к нему прикасалось, люди и кони не спеша, устало брели в сторону скрытого лесом земляного городка. Под кронами едва пустивших листву деревьев разместился и широко раскинулся медико-санитарный батальон дивизионного подчинения, выдавший свое местонахождение в этом лесу обилием землянок, перекрытых сверху в два-три наката бревнами, и полуземлянок с двускатными островерхими крышами, а также почти новенькими брезентовыми палатками, установленными на тех местах, где только что успел сойти снег.

Первые повозки из состава длинной, сформированной где-то вблизи передовой колонны начали входить в лесной массив, минуя посты охранения, сформированные из числа лечившихся здесь легкораненых бойцов, стоявших около дороги с винтовками за плечами. Они с интересом рассматривали каждый очередной транспорт, пытаясь увидеть среди бойцов знакомых, что могли рассказать о последних новостях с переднего края. А еще пробовали сами определить, по характеру ранений у прибывающих, что сейчас происходит там, где они сами были некоторое время назад.

Лежащих солдат в повозках почти что не было. Все бойцы в них сидели, а многие и вовсе шли рядом, часто держась то за узду, то за край телеги, сморенные усталостью и тяжестью от налипшей на обувь сырой, а потому тяжелой весенней глины. Повязок, как свежих, так и любых других, говоривших о ранениях, почти ни на ком не было. Никто не стонал, не кричал и не матерился от раздражающей тело боли, как обычно это происходило, когда с передовой срочно везли в санбат тех, кто был ранен и нуждался в срочной помощи врачей и санитаров. Прибывающие в составе колонны солдаты были вовсе не такими, каких обычно сюда привозили. Вид их был вполне спокойным, а лица едва ли не радостными от ощущения того, что на какое-то время они расставались с передовой и поступали в распоряжение тылового подразделения. Здесь, всего в нескольких километрах от опостылевших окопов и траншей, у них не будет постоянного бдения, нервозности, служебной спешки, напряжения от ожидаемой дерзости врага, его удара, артобстрела, авиационного налета или приказа атаковать его передовые

позиции, что делалось в последние месяцы довольно часто и происходило с большими потерями среди личного состава. Прибывающие солдаты готовились к короткому, всего в несколько дней, отдыху, считаясь в это время временно не боеспособными.

– Вы откуда такие? – спросил с ноткой удивления в голосе один из тех, кто встречал колонну повозок возле края леса, где находился пост охраны.

– Что, сам, что ли, не видишь? Оттуда, откуда и сам недавно был! – ответил ему сидящий в повозке худой, в засаленном ватнике, грязных штанах и обмотках, солдат, куривший самокрутку и почти не смотревший по сторонам.

Лицо его казалось немного искаженным, но все равно излучало небольшую долю радости от вынужденного удаления от опостылевшей передовой. А лицо было искажено то ли от боли, то ли от усталости. Точно такими же были лица почти у всех, кто прибывал с ним в медсанбат пешком или на повозках. Каждого что-то истязало, не давало покоя, тяготило и, видимо, являлось причиной попадания на лечение. И все это было смешано с нескрываемым облегчением от мыслей о коротком отдыхе.

– Так среди вас и раненых, почитай, нет! – снова прозвучал голос удивленного видом прибывающих солдата, начинавшего внимательно разглядывать всех и каждого из числа переживавших его пост.

– Будут, не переживай! Война еще не кончилась! – прокричал в ответ ему все тот же, кто сидел в первой телеге и курил, продолжая кривить лицо не то от боли, не то еще от чего-то.

– Андрюха! – неожиданно раздался за спиной первого солдата на КПП хриплый бас второго, что стоял чуть поодаль, а сейчас вышел вперед и сделал несколько шагов в сторону колонны.

– О! Васек! – ответил ему с телеги давно небритый рябой боец, укутанный в шинель поверх грязного, заношенного солдатского ватника, будто замерзал от жуткого холода или мучился от болезненного озноба.

– То из моего взвода, товарищ сержант! – уточнил второй солдат, обращаясь к первому, и продолжил путь навстречу увиденному сослуживцу.

– Ты погоди, Васек! Не до объятий тут! – вдруг одернул бойца рябой с телеги и выставил навстречу идущему к нему ладонь, призывая остановиться.

– Заразные мы тут, парень! Ты лучше не подходи к нам, а то мало ли чего! – вмешался в разговор старых друзей еще один солдат, что сопровождал повозку, следуя рядом пешком.

Боец остановился и с удивлением продолжил разглядывать всех прибывающих, теперь начав осознавать, что у них нет следов ранений, а следовательно, и перевязки.

– И чего с вами со всеми? – отшатнувшись, удивленно и испуганно протянул приветливый солдат на КПП.

– Сыпью исходим. Прямо мочи нет. Все тело ноет, – уточнил ему тот, что поведал о наличии заразы, немного повернув голову назад, чтобы его было лучше слышно.

– Как тиф, только без лихорадки. И тело ноет, а кожа как огнем горит! – пояснил удивленному и напуганному солдату еще один зараженный, что сидел на самом краю повозки.

– О как! – отозвался на все услышанное со стороны колонны стоящий на КПП сержант и потянул на себя за плечо пораженного и напуганного полученной информацией солдата. – Держись подальше от них, парень. Мало ли чего. Не хватало еще и заразу подцепить. А ты только от ранения оправился.

Солдат поежился от слов старшего по званию, втянул голову в плечи и вернулся на свое место.

– Вот вам и новое пополнение, товарищ лейтенант! – послышался невдалеке чей-то раздраженный громкий голос.

Дежурившие на КПП бойцы машинально повернули головы в сторону доносившегося разговора. Оттуда в направлении транспортов шли двое сердитого вида мужчин, один из кото-

рых шел чуть впереди второго, сложив руки в карманы когда-то белого, а теперь заляпанного бурыми, плохо застиранными пятнами медицинского халата, надетого прямо поверх ватника. По виду он был старше и по возрасту, и, очевидно, по званию второго, а потому задавал темп ходьбы и маршрут и, по всей видимости, именно ему принадлежала громко сказанная фраза, долетевшая до ушей солдат. Второй был заметно ниже ростом первого, а потому едва успевал за ним, быстро шагающим, от чего вынужден был почти бежать, немного подпрыгивая и не успевая смотреть себе под ноги. Со стороны было заметно, что, как только он опускал голову, чтобы взглянуть под ноги, его очки в роговой оправе начинали сползать на кончик его носа и вынуждали своего владельца все время поправлять их пальцем. На нем, довольно невысоком, была короткополая, будто бы специально укороченная для удобства ношения, шинель. Поверх талии, довольно высоко, она была небрежно опоясана ремнем со сдвинутой, по недосмотру хозяина, вбок пряжкой со звездой. Довершала немного забавную внешность поношенная, изрядно засаленная и закопченная, особенно спереди, выдававшая виды комсоставская зимняя шапка, сбившаяся во время бега на затылок владельца.

– И это только первая партия, что медики на передовой отобрали! – продолжил говорить громко, обращая на себя внимание со стороны тот, что выглядел старше и главнее. – Потом, как я думаю, еще подвозить начнут!

– А как быть, товарищ капитан? Такое на целую эпидемию тянет! – заключил, выслушав впереди идущего, лейтенант.

– На подрыв боеспособности это тянет! – резко перебил собеседника старший, неожиданно остановившись и повернув в сторону лейтенанта сердитое лицо, багровое от злости и волнения. – А это уже настоящее воинское преступление очень серьезного характера, которое в данное время может очень и очень серьезно на нас отразиться. И карается оно весьма и весьма жестко.

Он понизил голос и снова повернулся в том направлении, куда шел ранее, намереваясь лично встретить прибывающих с передовой на лечение в медсанбат солдат.

– А ведь я комдиву, что старому, что новому, докладывал о положении дел, – продолжил он, снова начав двигаться туда, где уже сделали остановку первые, прибывшие на территорию медсанбата повозки с бойцами. – Говорил, что по весне в траншеях антисанитария будет царствовать. Что баню надо чаще солдатам устраивать. Что кормить, в конце концов, лучше надо. Витаминов хватать не будет. Вши зажрут окончательно.

– А комдив что? – спросил лейтенант.

– А что комдив? – ответил капитан, уже теряя интерес к диалогу с собеседником, так как его внимание начинали привлекать прибывшие с передовой солдаты. – У них свыше приказы были. Им воевать надо было, а не помывкой и питанием подчиненных заниматься.

Хмурясь и качая головой от недовольства и волнения, он достал из кармана своего медицинского халата левую руку и, небрежно махнув ею, указал подчиненному куда-то в сторону стоявших в лесу брезентовых палаток, тихо добавив:

– Всех туда ведите, а я через пять минут на осмотр подойду.

Лейтенант в короткополой шинели побежал к повозкам, что-то выкрикивая на ходу, похожее на отдаваемые команды и распоряжения. Старший по званию, проводив взглядом исполнительного подчиненного, закурил, продолжая хмуро рассматривать прибывающих в медсанбат на лечение солдат. Спустя минуту он поставил ногу на высокий пенек, положил на одно колено небольшой блокнот, извлеченный из-за пазухи, и стал что-то записывать в него, постоянно кривясь лицом от густого махорочного дыма.

Капитана давно поджидал стоявший среди деревьев недалеко от него невысокий, под стать исполнительному лейтенанту, боец. Он явно собрался в дальний путь. Солдат был одет в обычный ватник, поверх которого были накинуты крест-накрест на груди шинельная скатка и свернутая на такой же манер плащ-палатка. Обут в ботинки с обмотками почти до колен,

на голове шапка, которую он поправил рукой, передвинув с затылка на лоб. За спиной бойца висел худой, потертый и заношенный солдатский вещмешок, а рядом с ним вдоль тела вытянулся автомат с примкнутым магазином. На ремне у него расположились подсумок, фляжка, малая саперная лопатка в чехле и трофейный немецкий нож. Последний придавал виду солдата облик бывалого, немало повоевавшего и не первый месяц жившего фронтовой жизнью человека. Довершал его облик бойца, так не любимый солдатами передовых частей, из-за габаритов и лишнего веса, противогаз в сумке.

Но главное, что выдавало в солдате опытного, изрядно повидавшего в своей, довольно молодой и короткой, жизни бойца, были его глаза, не раз смотревшие в лицо смерти. У таких глаз был равнодушный и в то же время пристальный взгляд, будто сразу машинально охватывающий широкий сектор для ведения огня по врагу. Люди с такими глазами безошибочно вычисляли себе подобных из огромной массы людей. Они встречались взглядами и видели во встреченном человеке себе подобного фронтовика, хлебнувшего по полной в пекле войны, второй год терзавшей родную землю.

Боец поправил за спиной автомат и шагнул вперед в сторону стоявшего на месте и продолжавшего что-то писать в блокнот высокого человека в медицинском халате.

– Товарищ капитан, красноармеец Шукин, разрешите обратиться? – по-уставному произнес боец, резко прикладывая ладонь к виску.

– Красноармеец! Как у вас, товарищ красноармеец Шукин, обстоит дело с освоением введенных в армии новых званий, знаков различия, обозначений? – отозвался капитан, одарив подошедшего к нему солдата резким холодным взглядом, и продолжил писать в блокнот.

– Осваиваю, товарищ капитан, – вполголоса ответил боец.

– Егор Иванович, двадцать третьего года рождения, боец взвода разведки двадцать седьмого арtpолка нашей стрелковой дивизии, – проговорил капитан спокойным и негромким голосом.

– Так точно! – отозвался солдат, почти равнодушно приняв слова капитана, об осведомленности которого и невероятной памяти ходили едва что не легенды.

Так как офицер, произнося данные о подошедшем к нему бойце, не взглянул на него, продолжая что-то записывать в блокнот, то разведчик не стал выказывать удивления и восхищения по поводу памяти капитана, стараясь угодить старшему по званию, а просто продолжил стоять возле него, ожидая внимания к себе.

– Слушаю вас, товарищ Шукин, – наконец произнес тот, не поднимая лица к солдату.

– Разрешите, товарищ капитан, – начал было боец излагать свою просьбу, но был перебит на полуслове.

– Не разрешаю! И не разрешу никогда.

– Да я за пару дней обернусь, товарищ капитан. День туда, там переночую и сразу назад. Завтра к вечеру в батальоне буду. Мне бы только транспорт попутный поймать, тогда и быстрее получится, – затараторил разведчик.

– Нет! – отрезал капитан, равнодушно продолжая делать запись в размещенном на колене блокноте.

– Товарищ капитан, – не унимался Егор, – я родителей своих почти полтора года не видел. До них сейчас отсюда верст семьдесят-восемьдесят будет. Одни они остались. Может, в последний раз их увижу. От старшего брата с начала войны вестей нет. Младшего недавно призвали, а ему еще и восемнадцати нет. С ними только одна из сестер осталась да невестка, жена старшего брата, с сыном. Разрешите. Я не подведу.

Возникла короткая пауза. Офицер, оторвавшись от записей в блокноте, молчал и тем самым давал солдату маленькую надежду на удовлетворение своей просьбы.

– Когда я вас, Шукин, впервые увидел и пообщался с вами, – на этот раз спокойным тоном начал вести разговор капитан, – я подумал, что вам лет эдак двадцать семь. А оказалось,

что только двадцать. И опыта фронтового вам не занимать. И товарищи ваши, что следом за вами прибыли и привезли ваши вещи, много героического рассказали о вас.

– Мне еще нет двадцати, товарищ капитан. В мае только исполнится, – тихо ответил Егор, своим тоном давая понять офицеру о правильном выборе его пути в отказе на свою просьбу.

– Вот именно! – подчеркнул в ответ тот. – А потому слушайте и вникайте в мои слова, товарищ красноармеец Шукин. – Капитан встал во весь свой высокий рост и, глядя на разведчика прямым взглядом, продолжил говорить: – Дивизия, как вам это известно, обескровлена. С конца декабря она почти четыре месяца вела непрерывные бои. В передовых частях людей катастрофически не хватает. Потери были огромными. Каждый боец сейчас на счету. А я должен опытного разведчика у себя в санбате задерживать на целых двое суток? А если вы не вернетесь, задержитесь по каким-либо причинам? Мне прикажете за вас отвечать? – Играя желваками, капитан помолчал, подбирая слова, потом продолжил: – Москву год назад отстояли! Здесь на рубежах намертво встали! Возвращайтесь в свою часть, Шукин, и воюйте, бейте врага, как умеете! У вас через пару дней, как вы к нам прибыли, сыпь на пояснице выскочила, жар начался. Вас от последствий ранения лечить надо было. Вон, левый глаз и зрение вам спасли. Крови сколько потеряли. Чуть живой были. А тут еще и кожная инфекция. А это все от окопной жизни. Погрязли там в антисанитарии, вшей расплодили. Сколько раз в бане были с момента реформирования дивизии?

– Да всего раз, наверное, за всю зиму, – сухо ответил Егор, невольно соглашаясь с причинами своей недавней болезни, которую подцепил уже в санбате.

– Вот именно! А разве так можно? – продолжил капитан. – С передовой сейчас с такими же проблемами уже почти сотню человек только сегодня доставили. А завтра еще подвезут! Я вас, по уставу, в дивизионном медсанбате не больше десяти дней держать обязан. Потом либо в часть отправить, если здоровы, либо в госпиталь, если дальше лечить надо. А вы у меня тут больше месяца проторчали из-за кожной инфекции, вызванной окопной антисанитарией. – Офицер вытянулся перед солдатом и, чуть прищурился взглядом, громко скомандовал: – Кру-угом! В свою часть! Шагом марш!

– Есть, – чуть слышно ответил Егор и демонстративно вяло выполнил уставную команду, небрежно козырнув офицеру.

Последняя надежда солдата увидеть родных ему людей рухнула в одночасье. Двумя днями ранее, предвидя скорую свою отправку назад, на передовую, он впервые прикинул свои шансы добраться до деревни, где сейчас в вынужденной эвакуации находились родители, сестра с сыном и жена старшего брата с ребенком. Егор не спал целую ночь, рассчитывая в уме продолжительность пути, наличие дорог, чтобы воспользоваться попутным транспортом. Он обдумывал все, вплоть до мелочей. И уже утром, после того как все же смог задремать, устав от собственных мыслей, он сумел сделать первый заход к командиру медсанбата, попутно узнав о его характере, обычном настроении и слабостях у одной из санитарок, что согласилась с ним поделиться информацией о своем начальнике.

Подкараулив офицера по пути того от столовой к штабной землянке, улучив момент именно в послеобеденное время, рассчитывая на доброе расположение духа после приема пищи, Егор обратился к нему и коротко, по-военному, изложил свою просьбу, клятвенно обещая не подвести и обязательно прибыть в расположение медсанбата в нужное время. К своей речи он заранее подготовился, подобрал нужные слова. Немного надавил на жалость, на родительскую любовь, на то, что может уже в скором времени сгинуть в жерле войны и никогда больше не увидит отца с матерью.

В ответ лишь прозвучало сухое «нет», что перечеркнуло планы солдата на краткосрочное посещение родных. Но надежда у него все равно оставалась. Оставался еще как минимум один шанс отпроситься уже перед отправкой в часть. Егор нервничал, переживал, хмурился, курил,

не замечая вкуса махорки, и вновь и вновь подбирал и проговаривал слова, что должен был сказать командиру медсанбата для получения его согласия.

Вторая, последняя на этот раз, попытка также провалилась. А его обращение к старшему по званию вылилось в целую лекцию воспитательного характера. Егор злился и на себя, за лишнюю дерзость и отсутствие должного умения убеждать. Злился он и на капитана, за сухость и нежелание прислушаться к чувствам простого солдата.

Он резко и громко сплюнул, удаляясь от места разговора с офицером, и почти столкнулся лицом к лицу с тем самым низеньким лейтенантом в короткополой шинели и вечно сползающих тому на кончик носа очках в роговой оправе. Тот проскочил мимо разведчика, лишь мельком взглянув на него, и нисколько не возмутился от того, что рядовой боец не поприветствовал его согласно уставу, чего Егор просто не успел сделать, погрузившись в свои мысли.

Пройдя немного дальше, к тому месту, где уже собирались те солдаты, кому предстояло в ближайшие минуты выдвинуться назад в свои части, откуда они недавно прибыли в медсанбат, Егор вспомнил слова капитана о развившейся у него сыпи на спине, происхождение которой объяснялось дивизионными медиками лишь скверными условиями пребывания солдат на передовой.

Это случилось уже через два дня после поступления на лечение раненого разведчика прямо с поля боя. Чуть живого, потерявшего много крови, обессиленного после полуторасуточного рейда в составе разведгруппы за «языком», его привезли в медсанбат. Как был, в окровавленном и местами разорванном в клочья балахоне маскхалата, в промокшей насквозь от пота и снега форме, вплоть до нательного белья и ватных брюк и куртки, Егор лежал в санях и бредил, впадая в полусон и почти сразу пробуждаясь. А рядом с ним был его верный товарищ, которого он сам, примерно год назад, сопровождал точно так же на лечение после ранения.

Егора тогда передали медикам. Внесли на руках в землянку, где была оборудована пахнувшая перевязочными материалами, спиртом и гнильем операционная, где его раздели для осмотра, срезав остатки маскхалата, стянув мокрый ватник, грязную, кишашую окопными вшами гимнастерку и нательную рубашу, обнажив перед доктором худое, черное от блиндажной копоты, покрытое гнойными рубцами тело бойца.

– Он герой, товарищ военврач! – прозвучал где-то позади голос сослуживца Егора, сопроводившего его в дивизионный медсанбат. – Его надо обязательно спасти и вернуть в строй. Он герой! Он жить обязан! Такой не должен умереть!

– Покиньте помещение! – Сухо, громко и строго произнесенное приказание было последним, что услышал тогда разведчик, отключаясь от внешнего мира и впадая от кровопотери в полубред.

А потом, когда рана была промыта и тщательно обработана, сделана перевязка, он уснул крепким сном, провалившись в него, отчего не знал, что, выходя из операционной, военврач, уже просто и без лишней строгости, сказал все еще ждавшему результата его работы разведчику, доставившему Егора в санбат:

– Глаз у парня цел! Видеть должен, как и раньше. Только крови много потерял. А вот одежда на нем почти вся сгнила и вшей на целое ведро! Переодеть мне его не во что. Поэтому вам надо раздобыть для него полный комплект белья и прочей одежды. А то в бане его помоят, а одежды нет никакой.

– Сделаю, доктор, достану! Старшину наизнанку выверну! Все, что нужно, доставлю! С иголки Егора обмундируем! Как новенький будет! Вы только лечите его как надо. Он герой! Такого «языка» помог добыть! – тараторил в ответ разведчик, почти что роняя слезы счастья, радуясь за друга.

И уже на следующий день, по неписаному закону всемогущих и вездесущих разведчиков, в медсанбат было доставлено неновое, но тщательно выстиранное нательное белье, портянки, обмотки, а также вещи Егора: шинель, плащ-палатка, вещмешок. Все было прожарено, чтобы

уничтожить вшей, аккуратно уложено в стопку и перевязано, словно посылка из глубокого тыла.

Но вместе с ними прибыла и тяжелая для всех весть: погиб командир дивизии! Тот, кто формировал ее полгода назад. Кто шел с ней к передовой, к линии фронта. Кто воевал, до последнего момента выполняя свой долг перед Родиной, перед своими солдатами. Кто отдал свою жизнь наравне с рядовыми. Его больше не было с ними. Он погиб, а его дивизия словно осиротела, погрузившись в траур.

– Павла Никитича больше нет! Полковник Иванов погиб! – словно рвущий барабанные перепонки гаубичный залп, прозвучал в землянке тихий заплаканный голос медсестры.

– Не может этого быть! – невольно отозвался кто-то из раненых солдат.

И едва пришедший в себя Егор отвернулся к бревенчатой стене и почувствовал, как из-под бинта на левой стороне лица потекла его горькая скорбная слеза. Командира больше не было в живых. Погиб комдив! Погиб тот, чей приказ он выполнял до конца и выполнил, не считаясь ни с чем, как и подобает настоящему разведчику.

Из оцепенения, вызванного горьким воспоминанием о недавних событиях, Егора вывел голос того самого низенького лейтенанта в очках и короткополой шинели, дававшего команду на opravку в свои части выздоровевших солдат.

– Ну вот, опять в пекло вертаемся, – пробурчал один из них, сплевывая от досады.

– Да уж, – протянул кто-то рядом.

– Денька бы два еще дали отдохнуть. Ведь успеем навоеваться, – сухо добавил третий.

Два десятка молодых мужчин в шинелях и ватниках, с вещмешками и оружием за спинами, неспешно погрузились на пустые телеги, которые сразу тронулись в направлении передовых позиций дивизии.

Егор запрыгнул на последнюю повозку, разместившись лицом назад, и равнодушно уставился на мелькавших между деревьев санитаров в серо-белых медицинских халатах и бойцов в солдатских шинелях, которых привезли с передовой лечиться от кожной инфекции, вызванной окопными условиями жизни.

– Повезло ребятам, – произнес кто-то за спиной разведчика, – отоспятся, подлечатся, в бане помоются, вшивую одежку прожарят, отдохнут.

Последнее слово было сказано с ноткой зависти к больным. А вот им, возможно, уже сегодня предстоит заступить на пост в передовом охранении, возможно, участвовать в бою или, как может случиться у самого Егора, выдвинуться в тыл противника в составе группы разведчиков. От этой мысли парень нахмурился, сердясь, оттого что уже никак не может повлиять на ход событий.

А вот завидовать прибывшим он не стал. Слишком болезненно проходила та самая кожная инфекция у него, когда одновременно болела голова после контузии и ныла рана возле левого глаза. И, казалось бы, лежать ему спокойно сейчас на медсанбатовской, крытой прошлогодней, чуть подгнившей соломой койке и наслаждаться покоем не меньше десяти отведенных уставом дней. Да неведомо откуда-то взявшаяся на спине сыпь стала жечь так, что порою солдату выть хотелось.

«Болят?» – спросил его тогда кто-то из пожилых санитаров, интересуясь состоянием бойца, первого из дивизии, у кого была выявлена болезнь от антисанитарных условий передовой.

«Не знаю, что больше», – выдавил сквозь зубы Егор и неожиданно засмеялся сквозь слезы от собственной беспомощности перед недугом и последствиями ранения.

«Значит, поправишься, если смеешься!» – ответил ему заулыбавшийся санитар.

Когда очередной бугорок на дороге совсем скрыл из вида окрестности медсанбата, разведчик начал чувствовать тепло от апрельского солнца, припекавшего все сильнее. Он перекинул со спины вещмешок, извлек из него свою пилотку, отправив на ее место снятую с головы

шапку, и сосредоточился на лицезрении вида местности. Вся земля вокруг была изранена войной. Его родная земля, где он родился и прожил почти всю жизнь совсем недалеко отсюда, за исключением двух лет, что провел в техникуме, приезжая домой только на каникулы.

И как бы он сейчас хотел вновь вернуться в тот самый старый деревенский родительский дом, где пахло свежеспеченным матерью поутру хлебом, особенным теплом от печи, молоком и супом, называемым в этих местах похлебкой. Вернуться туда, где подвывал в хлеву у соседей теленок, кудахтали куры, лаял где-то в стороне цепной пес, пролетали и садились на крышу птицы, стучал молот в кузне, бегали и кричали ребяташки и бранились на дороге повздорившие хозяйки.

Ничего этого сейчас уже не было. Все было начисто стерто с лица земли полтора года назад. Все было уничтожено в пламени пожарищ, охвативших всю округу, все окрестные деревни и села. Все пылало в едином порыве на глазах у чудом спасшихся от огня людей, разбуженных рано утром голосами немецких солдат, занимавшихся поджогами домов и надворных построек. Они подносили заранее смоченные в бензине факелы к низеньким, крытым, как правило, соломой крышам, которые моментально вспыхивали, превращая человеческое жилище в огромный костер, дым от которого, сливаясь с массой других непроглядных столбов едкой гари, разносился по округе, полностью накрывая ее.

Повсюду металась чудом спасшиеся деревенские жители, пытавшиеся до последнего вытащить из огня все то, что считали ценным. Но почти ничего ни у кого не получалось, и тем единственным, что все же было выхвачено из объятых пламенем собственных домов, были лишь маленькие дети, наспех одетые и укутанные в одеяла, да иконы, в последний момент заткнутые за пазуху. Повсюду раздавались истошные крики, плач, громкие проклятия и лились слезы, слезы, слезы обескровленных и выброшенных на лютый мороз людей, который в первую военную зиму был особенно крепким.

Теперь же там, где до войны, с незапамятных времен, стояла довольно большая деревня, где родился и вырос Егор, оставались лишь обугленные нижние венцы когда-то крепких сельских построек. И еще до конца осени следующего года на месте многих из них возвышались черные от копоти каменные трубы печей.

Теперь уже и труб этих видно не было, потому как ушлые саперы, да просто солдаты из развернутых по округе воинских частей, разобрали их на отдельные кирпичики, чтобы сложить для себя простенькие печурки в своих блиндажах и землянках. И, наверное, кто-нибудь из них, ломая печную трубу на месте бывшего дома семьи Щукиных, прочитал на ней надпись, сделанную разведчиком при помощи кусочка мела, найденного на руинах местной школы. Еще летом, освободившись от служебных обязанностей, Егор украдкой от командира взвода, от своих товарищей пробрался ночью к родным местам, где проплакал почти до утра в темноте, и уже под утро, дождавшись наступающего рассвета, сжав от злости волю в кулак, нацарапал на печи: «Я отомщу!»

И он отомстил! Не раз и не два. Он мстил много раз. Мстил старательно. Каждый раз, когда выбирался по приказу командира на передовую и вел наблюдение за передовыми позициями врага, когда отправлялся на задание, чтобы провести тщательную разведку, когда уходил в составе группы за «языком», когда прикрывал отход своих товарищей, принимая весь огонь преследователей на себя.

Жажда мести обуяла его. Она руководила им. С мыслью о мести он засыпал и просыпался. Он бредил отмщением за родной дом, за погибших селян, за не вернувшихся с боевых заданий друзей, за павших в бою однополчан. А рядом с ним были такие же обездоленные, лишенные дома и близких людей солдаты. У кого-то дом и семья остались там, где сейчас засел враг, где царят оккупационные порядки. У кого-то и вовсе никого и ничего уже не было, потому как пламя войны забрало все живое и неживое, что имелось в мирное время у человека.

И если Егор был осведомлен о своих родственниках, о месте их нахождения, о быте, о жизни, писал им письма и получал ответные послания, то рядом с ним служили и такие, кто не имел такой возможности и даже не ведал о судьбе родных и близких абсолютно ничего.

Как ни вглядывался разведчик, трясаясь в повозке, в ту самую сторону, где предполагал увидеть родную деревню, а точнее уцелевшие печные трубы на месте домов, ничего у него не получалось. Трепет воспоминаний трогал его за сердце, губы тряслись от наваливавшейся слабости, зубы сжимались то от ненависти к врагу, то просто оттого, чтобы не завывать от боли за родных и близких людей.

– Подъезжаем, – вывел его из оцепенения голос одного из солдат, с кем он ехал из дивизионного санбата.

– Давай сами! Пост уже проехали, доберемся через лесок. Тут рукой подать, – ответил ему второй боец, видимо, товарищ первого, подначивая того самостоятельно дойти до родной части.

– А давай! – прозвучал ответ, и телега немного качнулась, оттого что два бойца спрыгнули с нее, намереваясь продолжить свой путь отдельно от всей команды возвращающихся.

Егор, подумав, тоже решил не делать крюк, а дойти до родного подразделения более коротким путем и спрыгнул с повозки.

– Стой, солдат! – одернул разведчика строгий голос откуда-то из-за спины, когда он уже прошел в одиночку не меньше километра и успел за это время миновать изгиб леса и проскочить сквозь рощу, знакомую ему еще с детства.

Не ожидавший резкой и внезапной команды, прозвучавшей неведомо откуда, Егор встал как вкопанный.

– Растяпа! – почти шепотом сказал самому себе сквозь зубы боец, ругая себя за расслабленность и невнимательность в дороге. – А еще разведчик!

– Куда следуем? – обошел его сзади и встал по фронту невысокий, со строгим взглядом и довольно пышными светлыми усами солдат, облаченный в удобную для маскировки в лесу плащ-палатку с накинутым на голову капюшоном. – Документы предъявите!

– Ваше какое дело? – огрызнулся Егор, прищурил глаза и начав быстро оценивать обстановку вокруг себя.

Впереди, из-за толстого ствола отдельно стоящего дерева, медленно сделав шаг в сторону, появился довольно рослый солдат в плащ-палатке, уверенно нацеливший на разведчика винтовку с примкнутым к ней штыком. Еще один, наступив на сухую ветку и с громким хрустом сломав ее, чем выдал свое появление, мелькнул слева, за кустами. Тот тоже держал в руках винтовку, наведенную в готовности открыть огонь, если того потребует обстановка или прозвучит команда старшего.

Посмотрев на первого, того самого, кто приказал остановиться и предъявить документы, Егор поймал взглядом его еле заметное движение глазами, будто он руководил действиями еще кого-то, кто сейчас стоял за спиной разведчика, чуть правее, чтобы не быть на линии возможного огня своих товарищей.

– Грамотно обложили! – тихо, почти про себя, сказал и натянуто улыбнулся взятый в кольцо боец, продолжая водить глазами по сторонам, чтобы полностью увидеть всех тех, кто преградил ему путь.

– Документы, говорю, предъявите! – повторил невысокий, со светлыми пышными усами мужчина, поправляя рукой автомат, что висел у него на плече.

Егор медлил, продолжая осматриваться. Он демонстративно, плавно и не спеша обернулся, чтобы получше рассмотреть обступивших его солдат, что стояли по разные стороны от него. Все они, кроме усатого, которого он определил как старшего в команде, были вооружены винтовками, и только один имел при себе автомат. Это успокоило разведчика, прекрасно понимавшего, что перед ним сейчас были не диверсанты врага. Эти вряд ли бы несли с собой

громоздкое оружие с длинным штыком на стволе, мешавшее активному маневрированию и скрытным действиям. Перед ним были свои, родные бойцы Красной Армии, выполнявшие задачу по охране прифронтной зоны. А он сам стал лишь их очередным объектом для рядовой проверки.

– Старший патруля сержант Фролов! – уже негромко произнес усатый и повторил: – Предъявите документы.

Понимая, что обстановка начала разряжаться и он находится среди своих, разведчик быстро, чтобы не тратить общее время, распахнул на груди ватник и извлек из нагрудного кармана гимнастерки черное кожаное портмоне. Внутри его он хранил книжку красноармейца, комсомольский билет, два последних письма от матери и сестры и крохотную, написанную на клочке бумаги, справку из медсанбата.

– Ого! – одобрительно протянул усатый сержант, изобразив что-то вроде улыбки и удивления на лице, после того как увидел в руках простого солдата предмет, редко встречающийся в обиходе обычных красноармейцев.

Егор поспешил убрать портмоне назад в карман, заметив сосредоточенный на нем взгляд старшего патруля.

– Трофей? – спросил сержант, принимая передаваемый ему для проверки документ, и добавил, делая первый для себя вывод: – Разведчик, что ли?

– Разведчик, – неловко, будто смущаясь от точного и скоропалительного определения его воинской специальности, ответил Егор.

– Только у вас, у разведчиков, такое и можно увидеть. Да еще и нож у тебя ладный, тоже трофейный, – говорил, немного морщась от легкой улыбки, сержант, разглядывая попеременно то самого Егора, то его книжку красноармейца, содержащиеся в которой данные его как будто не интересовали.

Старший патруля изучал сам документ, пытаясь определить его подлинность, обращая внимание на те мелочи, с какими были знакомы лишь опытные солдаты, будь то скрепки бумаги, потертости, размытости от трудового окопного пота, коего невозможно было избежать в условиях фронтового быта. А то самое кожаное портмоне, что привлекло его внимание при появлении в руках Егора, было действительно трофеем, изъятым у захваченного в плен гитлеровского офицера. И прибывшие потом в медсанбат разведчики передали его новому владельцу, посчитав, что самое ценное из того, что было в карманах немца, теперь должно служить самому достойному из них. И не было у них тогда сомнений, что именно заслуга Егора в успешной работе, в результативном поиске, в проникновении во вражеские траншеи и смелом отходе назад, к своим, была намного выше, чем у еще кого-либо, кто участвовал тогда в захвате офицера.

– Откуда и куда идешь, товарищ Шукин? – перевел взгляд на Егора усатый и снова переключился на его красноармейскую книжку.

– Из санбата. После ранения. Следую в свой полк коротким путем, товарищ сержант, – исчерпывающе ответил разведчик.

Он уже начал разворачивать в руках справку о ранении, собираясь ее предъявить для проверки, но старший патруля махнул рукой, давая понять, что справка ему сейчас не нужна.

– Из сто девяностого полка, говоришь? – неожиданно спросил сержант, назвав номер одной из частей дивизии, уже собираясь вернуть красноармейскую книжку ее обладателю.

– Я не говорил про номер полка! А так из двадцать седьмого, – немного лениво протянул в ответ Егор, с добродушной улыбкой глядя в глаза старшему патруля, как бы намекая тому на неудавшуюся проверку соответствия данных документов и фактической принадлежности бойца к воинской части.

– Ну да! – ухмыльнулся в ответ сержант, протягивая Егору его красноармейскую книжку. – Из двадцать седьмого. И гимнастерочка у тебя новехонькая совсем, только со склада. Нам еще таких не давали. В старье ходим. Петлицы оголили, а погоны так пришили.

Усатый небрежно провел пальцем по видневшемуся из-под ватника и плащ-палатки вороту своей гимнастерки, на котором были заметны следы от снятых недавно сержантских треугольников.

– Да и те, кому выдали. Остальные все еще по-старому, по петлицам звания различают. Пока всем погоны дадут, – добавил он с таким выражением лица, будто с завистью любовался новенькой, пока еще необычной и непривычной простому солдату, гимнастеркой Егора со стоячим, а не отложным воротником.

– Да меня только в санбате переделали! – смущенно дернул плечами разведчик, как бы оправдываясь за то, что получил часть форменной одежды нового образца и только что введенные в армии погоны к ней. – А то, что на мне было до этого, то вши съели. Одно гнилье носил.

Егор, посчитав, что проверка патруля для него закончилась, спешно спрятал в карман гимнастерки книжку красноармейца. На какое-то мгновение, где-то вдаль, за спиной старшего патруля и самого высокого из его подчиненных, он заметил еще одного бойца, лицо и тело которого мелькнули среди зарослей соседнего леса, что виднелся за небольшой поляной, раскинувшейся впереди. Увиденный разведчиком солдат, облаченный в маскхалат с накинутым на голову капюшоном, показался из-за дерева, посмотрел на Егора и стоявших вокруг него представителей военного патруля и так же неспешно скрылся за деревом, как и показался за несколько секунд до того.

– Молодцы! Хорошо окружаете. Мышь не проскочит, – вслух похвалил Шукин работу усатого сержанта и его бойцов, отмечая масштаб оцепления местности солдатами патруля.

– А то! – одобрительно, как бы благодаря за сказанное, ответил старший, после чего негромко крикнул своим подчиненным: – Все, ребята, сворачиваемся. Пора смену сдавать.

Облаченные все как один в плащ-палатки, бойцы начали стягиваться к сержанту и выстраиваться за ним вслед в том направлении, куда тот пошел, напоследок кивнув Егору в знак прощания с ним.

– А этот что, не с вами? – спросил разведчик сержанта, когда тот уже повернулся и зашагал куда-то в сторону, уводя за собой своих солдат.

Все, кто был в патруле, резко повернулись в сторону Егора.

– Кто не с нами? – хмуро и строго взглянул усатый на бойца.

– Тот, за деревом, в маскхалате, – смущенно улыбнулся в ответ разведчик, указывая пальцем в ту сторону, где успел заметить появившегося на краткое время человека.

– Ну-ка погоди, парень! – сказал сержант, быстрыми движениями перекидывая из-за спины автомат. – Где, ты говоришь, его видел?

– Так вот же, там, за вами был, – с удивлением ответил Егор, понимая, что невольно принял за солдата из патруля того, кого только что заметил в сотне метров, среди деревьев.

– Иди-ка ты в свой полк. Да поживее! – одернул разведчика сержант, пристально глядя в ту самую сторону, куда только что указал Егор.

Солдаты возле него также перекинули свои винтовки из-за спин вперед, ожидая команды старшего, которая последовала тут же, едва тот наметил для себя направление движения:

– За мной! Вперед! Марш!

От неожиданной смены обстановки Егор машинально, по выработанной привычке, взял в руки висевший до этого за спиной автомат. Но вдруг он вспомнил, что магазин в нем пустой, а потому оружие в его руках может быть только для устрашения, но абсолютно бесполезное в том случае, если придется вступить в бой. Кроме того, он вспомнил, что помимо не снаряженного автомата у него есть трофейный нож на поясе и спрятанный в вещмешок добытый в бою «вальтер», что забрал он у лично убитого им гитлеровца во время проведения разведки

боем на участке действия его дивизии. Пистолет он сознательно прятал и никому не показывал, зная о нелюбви армейских политработников и всяких проверяющих к трофейному оружию, наличие которого часто прощалось только на передовой и оправдывалось присутствием в подразделениях разведчиков.

Впереди так ничего и не происходило. Усатый сержант со своими солдатами скрылся в лесу, где деревья едва только начали покрываться молодой листвой. Не было слышно ни звуков боя, ни криков преследования. Не происходило ничего, что могло бы сейчас повлиять на планы Егора вернуться в родной полк, а потому, еще раз осмотревшись по сторонам, он двинулся дальше, решив быть впредь осторожнее и внимательнее, так как в его боевой профессии эти факторы являются самыми главными.

Давно обжитая взводная землянка встретила разведчика необычной свежестью, новыми запахами, непривычной чистотой и порядком в убранстве. Будто бы ее обитателями были не солдаты, пропахшие окопной жизнью, а типичные мирные люди, заселившие ее только что. И если бы не постиранные недавно портянки и подворотнички, что сохли на натянутой поперек землянки веревке, да обычные солдатские вещи на полках нар, то Егору могло показаться, что он ошибся адресом и заглянул не туда, куда изначально стремился.

– Здорово, разведчик! С возвращением домой! – послышался из глубины солдатского жилища знакомый голос сослуживца, вслед за которым зазвучали одобрительные возгласы и начали появляться лица солдат, отдохавших на нарах после дежурств и выполнения служебных обязанностей.

– Здорово, братцы! – заулыбался в ответ Егор, искренне радуясь встрече с теми, кто был рядом с ним всегда и везде в последние месяцы, пока их не разлучило его ранение во время выполнения задания командования.

Поочередно все те, кто был в тот момент в землянке, обнимали в знак приветствия вернувшегося бойца.

– С возвращением, братишка! – сказал один.

– Молодец, Егор! Снова с нами, – вторил ему второй солдат.

– Здорово, Щукин! – проговорил третий, а за ним четвертый, пятый, шестой.

– Чаю, братцы, горяченького надо испить по такому случаю, а?! – услышал разведчик у себя за спиной, сразу после чего, как по команде, на дощатом столе в центре землянки стали с шумом появляться солдатские кружки.

Рядом с ними кто-то положил один за другим быстро развернутые тканевые и газетные свертки, с нехитрыми запасами продуктов, припасенных в качестве дополнения к сухим пайкам для тех, кому скоро нужно было выдвигаться на передовую для наблюдения за передним краем противника.

– Богато живете! – с ноткой одобрения в голосе произнес Егор, видя, как перед ним на столе были заботливо разложены кусочки хлеба и аккуратно нарезанного сала, поставлена вскрытая кем-то банка консервов.

Один из солдат, суетясь возле печи-буржуйки, ловко подкинул в ее жерло сухих дров. Другой опустил на нее сверху закопченный чайник. Третий толкнул четвертого, тихо сказав ему в самое ухо:

– Дуй к старшине! Проси чего-нибудь для Егора. Там каша или суп должны были оставаться. Парня накормить надо. С довольствия его никто не снимал.

Боец кивнул в ответ и, подмигнув садящемуся за стол Щукину, выскочил за дверь, на ходу накидывая на плечи шинель.

Не прошло и десяти минут, проведенных солдатами в разговорах и шутках, как перед вернувшимся в свое подразделение разведчиком появился полный котелок наваристой каши,

по кружкам был разлит горячий чай, а воздух в землянке наполнился теплом от буржуйки и запахом дымящейся махорки.

– Хорошо у вас стало! Свежо, чистенько, – отрываясь от каши с салом, прокомментировал Егор свое первое впечатление об увиденных им изменениях в ставшей родной землянке.

– Да ты что, братишка! Тут такое началось после тебя! – начал тараторить один из разведчиков, что сидел ближе к нему. – Ты в медсанбат, а у нас по всей дивизии через несколько дней что-то вроде эпидемии началось. Почти у всех эта зараза была. У всех сыпь и чесотка.

– В бой некого отправлять было! – вмешался в разговор, перебив товарища, еще один разведчик.

– Вот-вот, – продолжил первый, – проверки начались. Из всех штабов проверяющие нахлынули. Санитаров понагнали откуда-то. Бани новые в лесах возвели. Заставили весь личный состав раз в неделю обязательно мыться и одежду прожаривать.

– Всех переодели, белье заменили полностью, а кому и форму целиком, – снова перебил товарища второй разведчик.

– Бани работали без остановки круглыми сутками, – не унимался первый боец, одновременно наливая чай в кружку Егора, – мытье и стирка первым делом были. Через день проверки на вшей. Землянку заставили наизнанку вывернуть и порядок навести. Мы все гнилье пожгли да выкинули. Всю солому прошлогоднюю выскребли.

– Теперь у нас красота тут! – снова влез в разговор второй.

– И попробуй забаловать! – теперь перебил его первый. – Штабные проверяют жестко. Если что не так, то в штрафной грозят отправить. Но пока обошлось.

– И кормить лучше стали! – добавил второй разведчик.

– Это точно! Короче говоря, было объявлено наступление по всем фронтам против антисанитарии и вшивости! Добавили нам витаминов и велели блюсти чистоту! – подтвердил его слова первый.

– Так что мы теперича чистые, сытые и живем в комфорте! – протянул третий солдат, все время молчавший, улыбавшийся и смотревший в сторону Егора добрыми глазами человека, искренне радовавшегося возвращению в строй своего боевого товарища. – Ох, гимнастерка у тебя, брат Егор, хороша! – позавидовал он. – Нового образца, со стоячим воротничком! И погоны на ней ладно сидят! Загляденье!

– А мы все в старье ходим. И погоны, что недавно всем выдали, кое-как сами приладили, – добавил к его словам не унимавшийся первый боец.

– О, Егор, друг! – послышался со стороны входа радостный выкрик сержанта Панина, старого товарища и сослуживца Щукина с того самого момента, как он прибыл во взвод разведки около года назад, завершив свое первое лечение в госпитале, куда попал после ранения.

Худой и высокий, с широкой улыбкой на лице, обнажившей полный рот крепких зубов, он смотрел на Егора с добротой в глазах, как смотрят на дорогих и близких людей. Таковых во взводе полковой разведки оставалось немного. Помимо Панина и Щукина набиралось едва ли семь бойцов, кто составлял костяк подразделения и служил в нем с самого формирования. Подавляющее число разведчиков к этому времени уже сгинули где-то возле передовых укреплений противника, на подступах к ним или числились пропавшими без вести, не вернувшись из рейдов в глубь обороны врага.

– С возвращением, брат! – протиснулся к Егору Панин, широко расставив для объятий свои огромные руки, созданные, казалось, только для того, чтобы обнимать дорогих друзей или скручивать взятых в плен гитлеровцев.

Сидевшие возле Щукина разведчики начали отодвигаться в стороны, чтобы освободить место для прохода вперед своего сержанта.

– А мы думали, что уже не вернешься к нам. На повышение пойдешь, в штабе осядешь. Будешь к нам с комиссиями приходить, – затараторил Панин, прижимая к себе Егора, словно родного брата, и продолжая сыпать шутками.

– Да как же я без вас, – сказал Егор, поддаваясь объятиям старшего по званию и одновременно одного из самых близких своих друзей.

– И то верно, – сказал сержант, искренне радуясь возвращению парня.

Постепенно разведчики, что были в помещении, начинали выходить из землянки, собираясь и отправляясь кто в наряд, а кто еще куда, для выполнения каких-либо обязанностей. Когда внутри остались только Панин и Шукин, к ним присоединился старший сержант Каманин, также служивший во взводе больше года и фактически ставший когда-то первым его бойцом.

– Егор, с возвращением в строй, братишка! – совсем не по уставу начал он, расплываясь в добродушной, не свойственной ему, при всей его служебной строгости и жесткости, улыбке.

Старые друзья крепко обнялись, словно не виделись всего не один месяц, а год.

Только сейчас, сидя в жарко натопленном помещении землянки, Егор заметил, что оба его друга до сих пор не снимали с себя ватников, а теперь начали делать это одновременно, будто бы ждали именно такого момента, когда окажутся наедине, без посторонних, возле вернувшегося из медсанбата товарища.

– Ну ничего себе! – протянул Егор, откашливаясь и едва не захлебываясь последней ложкой каши, что успел достать из опустевшего солдатского котелка, увидев на обнажившихся гимнастерках друзей сияющие новенькие медали «За Отвагу».

Заметив его взгляд, оба сослуживца отвели в сторону глаза, не то от смущения, не то от еще чего-либо, чего стеснялись или просто не хотели ему сказать.

– Молодцы! – искренне обрадовался за своих сослуживцев Егор и добавил: – Наконец-то стали награждать! Сколько же можно было затягивать. Столько дел было сделано. Обещали награждать, а все никак.

Панин и Каманин молчали и неловко переглядывались между собой, будто не знали, с чего продолжить беседу с другом. Наконец, плотно сжав губы и нахмурившись, старший сержант снял с груди свою медаль и положил ее перед Егором, сказав:

– Это – твоя!

Тот, опешив, изменился в лице и, не зная, что сказать от неожиданности, смог только произнести:

– Как моя?

– Прости, брат Егор, – вмешался более словоохотливый Панин. – Ты в санбат попал. Вот тебя из списков, видимо, в штабе и выкинули. А нас троих наградили.

– «Язык» ценный попался, – продолжил Каманин, – офицер. Вот командование и снизило до нас, награды получили.

– Но вся заслуга в той операции только твоя! – Панин посмотрел прямо в глаза смущенному от неожиданного поворота событий Егору. – Ты всю работу проделал! Ты целыми днями вел наблюдение, по передовой ползал, замерзал в снегу. Ты к фрицам в траншеи пролез и разведаль их каждый шаг.

– Это твоя медаль! – перебил Панина Каманин. – Носи, разведчик. Заслужил. Тебе не верил тогда никто, что ты в окопы фрицевские пролез и все, что следует, разнюхал. Даже мы сомневались. А ты правее всех оказался. Всем нос утер! И прикрыл ребят, когда они с «языком» уходили.

За те несколько секунд, пока говорили друзья, Егор смог углубиться в свои воспоминания о событиях, начало которым было положено всего пару месяцев назад, когда всем разведчикам дивизии поступил жесткий приказ командования взять в плен гитлеровского офицера как можно выше званием. Немало разведчиков сгнуло тогда бесследно, пытаясь во что бы то

ни стало выполнить приказ. Уходили и не возвращались назад бойцы дивизионной разведроты, из разведок стрелковых полков. Дошла очередь и до взвода из арtpолка, где служили Шукин и его товарищи. Но как ни требовали командиры, как ни давили в штабах всех уровней, приказ оставался невыполненным, а ряды отчаянных храбрецов, лучших из лучших разведчиков дивизии, таяли на глазах.

Проводя целые дни напролет в наблюдении за передним краем обороны врага, Егор, наконец, нащупал глазами узенький коридор для будущего вероятного прохода группы разведчиков к немецким окопам. Доложив командиру взвода о своих выводах, он уговорил его дать разрешение на отчаянную вылазку, в которой решал, не подвергая никого опасности, участвовать лично и только одному. Риск был огромным. Предполагаемый путь можно было использовать только в теплое время года, когда густая зеленая растительность могла маскировать действия разведчиков. Теперь же, зимой, широко открытый и почти гладкий снежный настил выдавал все следы на подступах к передовой врага. Но все задуманное Егором удалось осуществить под натиском сильного снегопада и под покровом непроглядной ночной темноты.

Отчаянный разведчик смог проползти тогда прямо под высокий бруствер перед крайней на фланге позицией немецкого пулеметчика. Долго вслушивался, не шевелясь в глубоком сугробе, во все доносившиеся звуки, фиксируя по имевшимся с собой часам время смены дежуривших солдат врага.

Удача сама пришла Егору в руки. Один из гитлеровцев, едва заступив на пост, начал постоянно куда-то отлучаться, с интервалом по времени в несколько минут, что не могло быть не замеченным обостренным вниманием разведчика. Наблюдая за ним и предполагая, что пулеметчик страдает приступами кишечного расстройства, одновременно удивляясь снисхождению к этому факту со стороны немецких командиров, Егор задумал воспользоваться этим обстоятельством как подарком судьбы. При очередной отлучке солдата, когда позиция осталась без присмотра и охраны, он скользнул через бруствер вниз, во вражескую траншею, и, преодолевая дикий страх, начал следовать по ней, запоминая каждый поворот земляных укреплений.

В своем внешнем сходстве с обычным немцем Егор тогда не сомневался. Белый маскхалат был едва ли не идентичным тем, что использовали гитлеровские разведчики, сами порою применяя трофейные или самодельные изделия. Автомат у Егора был немецкий. Шапка была надета на голову звездочкой к затылку, а не на лоб, да к тому же прикрыта капюшоном, окончательно скрывая на нем его принадлежность к противоборствующей стороне.

Благодаря собственной смелости на грани смертельного отчаяния и внешнему виду он смог углубиться в гитлеровские траншеи и ходы сообщения на несколько сотен метров, отсчитывая и запоминая шаги и направления до каждого следующего поворота и попадающегося ему входа в замеченное строение. Высокая антенна над несколькими накатами бревен выдала разведчику размещение пункта связи. Часовой с озлобленным взглядом, стоящий на посту у двери, дал понять, что в землянке штаб. Широкая ниша в стене траншеи с заснеженным брезентом поверх груды чего-то под ним сказала о наличии в этом месте склада.

Ему много чего удалось разглядеть и разведать. Егор, обладая довольно неплохой зрительной памятью, зафиксировал в голове и запомнил все то, что увидел в глубине вражеской передовой. Удача не покидала его. Никто не заподозрил в идущем по траншее бойце в маскхалате и с автоматом вражеского разведчика. И уже на подходе к тому самому месту, где он проник на позицию немецких пулеметчиков, ему встретился тот самый гитлеровец, что снова убежал, видимо в уборную, страдая от расстройства желудка.

Ближайшей ночью, пользуясь не прекращающимся снегопадом, проведя в разведке более суток, промерзший до костей, Егор вернулся назад и, почти в бреду, растираемый товарищами спиртом, смог доложить о результатах своей работы. Ему тогда никто не поверил. Действия бойца в окопах противника сочли полным бредом. Но он, оклемавшись за ночь и проснувшись утром, не отступал и доказывал, подробно описывая все то, что увидел и запомнил.

Возможно, что и дальше ему бы никто не верил, если бы не его завоеванный среди товарищей авторитет. Приказ о взятии ценного «языка» не давал всем покоя. Его выполнения ждали в штабах. А потому разведанный Егором коридор для подхода к вражеской передовой, изученные им ходы сообщения с наличием в них мест вероятного обитания немецких офицеров, да к тому же возобновившийся с новой силой снегопад, дали старт выходу в поиск группы лучших бойцов из его взвода.

Четверо разведчиков под покровом ночи подобрались к вражескому пулеметному расчету, стремительно и тихо вырезали его и устремились в глубь немецкой обороны, отсчитывая заранее выученное под руководством Егора количество шагов от одного поворота к другому, пока не нашли требуемый им блиндаж, с предполагаемым пребыванием в нем кого-нибудь из офицерского состава. Скоротечная, почти молниеносная схватка привела к требуемому результату. Офицер был взят в плен, скручен и связан. Но это была лишь половина дела. Впереди еще предстоял путь назад, во время которого нужно было не только сохранить жизнь столь дорого доставшегося пленного, но и выжить самим, добравшись до передовой, в свои окопы.

Произошедшая во вражеских окопах случайность едва не привела к плачевному для всех разведчиков результату. Лично руководивший группой командир взвода, прикрывая отход бойцов с захваченным в плен офицером, столкнулся прямо в траншее лицом к лицу с гитлеровцем, который направлялся именно в ту сторону, где в данный момент находился офицер. Реакция лейтенанта оказалась отменной. Он быстро среагировал и нажал на спусковой крючок автомата. Его подвело отсутствие опыта при проведении разведки, когда можно было избежать выстрелов и действовать иначе, работая ножом, прикрываясь непроглядной ночной темнотой.

В результате Егор с лейтенантом стали прикрывать отход товарищей, тащивших «языка». Они завязали с противником бой, стали отстреливаться и отходить по создаваемому ложному следу, увлекая за собой группу преследования. Несколько раз они становились удобной мишенью, появляясь в тех местах, где, казалось бы, вот-вот должны были погибнуть от вражеской пули. Враг упорно шел по их следу, ведя плотный огонь, загоня храбрецов в смертельные клещи, не давая отойти к своим.

Они уже знали, что успешно выполнили свое дело, что дали возможность ребятам с пленным немецким офицером удалиться на приличное расстояние по безопасному маршруту, и надеялись, что вся боевая задача будет считаться успешно выполненной, а потому уже дрались только за себя, прикрывая друг друга огнем.

Но перевес сил тогда был на стороне врага. Командир взвода погиб от немецкой пули. Егор остался один, принимая весь удар на себя. Он отчаянно отстреливался до последнего патрона и, вероятно, сгинул бы, если бы не удар артиллерии родного полка по немецким укреплениям, что вынудило преследователей отступить, оставив его в покое. Земля и небо, казалось, смешались при сильнейшем артналете, что сметал и перемалывал все вокруг разрывами тяжелых снарядов. А на фланге начали свою отчаянную, на грани смертельного риска, атаку морские пехотинцы, бригада которых совсем недавно усилила своим присутствием части Красной Армии на этом участке фронта.

Раненый, истекающий кровью, Егор видел их стремительный бросок в сторону немецких окопов, когда ребята, порою облаченные только в тельняшки, громко и хрипло выкрикивая свою «полундру», в полный рост шли на изрыгающие огонь вражеские пулеметы.

Он уже начал прощаться с жизнью, вспоминая родителей и думая о том, как они будут чувствовать себя после получения сведений о гибели сына, как будут страдать, вспоминая о нем.

Но помощь пришла совершенно неожиданно, совсем не оттуда, откуда ее можно было ждать и надеяться на нее. Раненый моряк из той самой бригады морской пехоты, что вела атаку где-то на фланге, неожиданно появился как из-под земли неподалеку от разведчика. Сдавлен-

ным голосом, из последних сил Егор позвал его на помощь. Огромного роста, весь перетянутый окровавленными бинтами, утопая почти по колено в глубоком снегу, громко матерясь и ругаясь, тот шел неведомо куда, заблудившись в поисках направления к позициям своей бригады. Он наткнулся на лежащего в низеньком овражке умирающего Егора, схватил его за ватник на груди, оторвал от промерзшей земли и поволок за собой. Через некоторое время он вышел сам и вынес раненого бойца к траншеям стрелкового полка той самой дивизии, где служил Егор, и передал его дежурившим на передовой солдатам боевого охранения...

– Это не моя медаль! – ответил разведчик старшему сержанту и положил новенькую, отдающую серебряным отливом награду перед ним, после того как подержал ее в ладони, любуясь, словно редкой ценностью.

Каманин недовольно поджал губы и отвел взгляд от Егора.

– Моя еще впереди будет, – сказал Шукин. – Война не завтра закончится. На мой век медалей хватит. К тому же документ на твое имя выписан, значит, медаль твоя по праву.

– По праву она, брат, твоя! – резко перебил Егора Каманин. – Твоя заслуга в ней. Только твоя. Если бы не ты, не видать ни полку, ни дивизии того «языка». Нас всех наградили. А тебя – нет!

Старший сержант смотрел на парня пронзительным взглядом. Он негодовал, злился, а потому не знал больше, чем оправдать отсутствие награды у того, кого считал самым достойным ее. Выдержав небольшую паузу и не найдя, что еще сказать по поводу несправедливого отношения к Егору начальства, негромко произнес:

– Вообще, говорят, командующий фронтом когда-то обещал за взятого в плен офицера даже вручать ордена.

– Да я лично к комполка пойду! О тебе расскажу. До комдива дойду! Перетряхну там, в штабах, всех! – неожиданно замахнулся для удара по столу кулаком Панин, но так и не сделал этого, а просто, махнув рукой, отвернулся в сторону.

– До комдива? – словно эхо тихо повторил за ним Егор. – Не уберегли, значит, Пал Никитича?!

Панин и Каманин молчали в ответ, будто бы чувствуя свою вину в том, что погиб командир их дивизии.

– Помянем, – вполголоса предложил Егор и, покопавшись в вещмешке, выложил на стол две фляги. – Кружки готовьте, товарищи сержанты, тут в одной – спирт, в другой – самогон деревенский.

В повисшей в землянке скорбной тишине три разведчика встали с дощатых настилов нар, каждый удерживая перед собой в руке кружку со спиртом.

– За комдива, за полковника Иванова, – тихо произнес Каманин на правах старшего по званию среди присутствующих.

В полумраке помещения разведчики опустошили содержимое кружек и молча опустились на нары, вспоминая своего командира дивизии.

– И откуда у бедного разведчика такое богатство? Не успел из санбата вернуться и, на тебе, с гостинцами к нам появился! – прервал тишину Панин, указав глазами на фляги.

Егор, изображая недоумение, ответил, немного свысока глядя на товарища:

– Так разведчик я или нет!

– Вот так и Леха говорил, – закусывая кусочком сала, произнес Панин и добавил: – Шукин самый настоящий среди нас!

– Говорил! – Егор уставился на него. – Что значит «говорил»? Почему не «говорит»?

Его испуганный взгляд заставил обоих сержантов отвести глаза в сторону, бойцы не знали, что можно сказать другу, пребывающему в полном неведении.

– Что с Виноградовым? – спросил разведчик.

– Не вернулся из поиска, – тихо ответил Каманин.

– Давно?

– Сегодня, почитай, брат, девятый день пошел, – почти шепотом произнес Панин, нервно теребя клапан нагрудного кармана гимнастерки, чтобы достать из него кисет.

Отсутствующий в расположении взвода, до сих пор не вернувшийся с боевого задания, сержант Виноградов был одним из тех, кто первым принял прибывшего во взвод неопытного красноармейца Щукина. Он, на пару с Паниным, посмеялся тогда над желанием вновь прибывшего солдата служить именно в подразделениях разведки. Немного язвительно высказался в адрес Егора, который попросил направить его для дальнейшего, после выписки из госпиталя, прохождения службы в одну из воинских частей, располагавших в своем составе взводом или ротой разведчиков. Но спустя некоторое время он так же, как и Панин, изменил свое мнение о новичке, видя его старания в освоении новой специальности, жажду познания, природные ум и наблюдательность, повышенное внимание к мелочам и редкую исполнительность. А главное, они оба, а также Каманин и многие другие бойцы их взвода, разглядели в Егоре такие качества, как отчаянная храбрость, дерзость, авантюризм, желание рисковать, чтобы добиться результата любой ценой, как порою требовала обстановка.

Их первая совместная вылазка к передовой линии укрепления противника, на участие в которой Егор вызвался добровольно, показала им, что новый боец достоин службы в разведке. Они же первыми стали уговаривать тогдашнего командира их взвода о зачислении красноармейца Щукина в группу поиска, что в ближайшие дни должна была отправиться добывать «языка». Они сами начали натаскивать и учить Егора тем мелочам, что нужны были ему там, где опаснее всего, где жизнь солдата-разведчика висит на волоске, где все решает порою секунды, присутствует огромный риск, сердце от страха выскакивает из груди, а ответственность за выполнение боевого задания и жизни товарищей становится превыше всего.

Щукин не подвел ни разу. В его лице взвод получил именно то, что и требовалось. Он мог часами напролет, абсолютно неподвижно вести наблюдение за передним краем врага, фиксируя любые перемещения, изменения в маскировке, смены постов наблюдения со стороны врага, появление новых целей, новых объектов, позиций, проходов. Командиры дивизионов и батарей полка не раз приходили в расположение взвода, чтобы получить сведения, обнаруженные и установленные именно Щукиным.

– Не уберегли, значит, Леху! – сдавил зубы в отчаянии Егор. – Как же так, а?

– Не уберегли! – виновато сказал Каманин, стараясь не смотреть в глаза вернувшемуся из санбата разведчику.

– Помянем, – сдавленным голосом произнес Егор, протягивая руку к одной из лежащих на столе фляжек со спиртным.

– Тут вот какое дело, брат Егор, – заговорил Панин, после того как пустые кружки опустились на дощатую поверхность стола, а сидящие за ним стали закуривать, передавая друг другу кисет с махоркой. – Пока тебя не было, у фрицев очень шустрая минометная батарея завелась. Бить стала очень точно и накрывает все, что есть на передовой. Как будто в оптический прицел видит.

– Стоит только кому-нибудь обнаружить себя, как тут же в вилку берет! – добавил к его словам Каманин, выпуская из ноздрей дым. – Среди тех, кто в боевом охранении, почти всегда потери. Чуть кто неосторожно высунется – почти всегда сразу следует удар.

– Наших ребят двоих зацепило, когда в наблюдении работали, – присоединился к пояснениям товарища Панин. – Бинокли и стереотрубы тоже, гад, видит.

– А миномет – это тебе не пушка, не гаубица. Ему развернуться – минутное дело! – направил на Егора Каманин свой напряженный взгляд. – Пустил несколько мин и затих. Поди засеки его! Мы уж головы сломали, как его обнаружить.

– И работает очень точно, прямо снайпер какой-то! – сказал Панин так, будто чувствовал свою вину в потерях из-за до сих пор не установленной разведчиками минометной батареи врага.

– Вот на нее и пошел охотиться Леха Виноградов с парой ребят. Так и остался там. Мы уже и ждать перестали, – потупил глаза старший сержант, нервно теребя в руке тлеющую самокрутку.

– А она все бьет и бьет, – повернулся Панин к Егору и добавил: – И так прицельно, так точно. Прямо спасу нет.

– Верно, придется опять кому-то к фрицу идти, батарею эту выслеживать, – процедил сквозь зубы и бросил на пол окурок Каманин.

Глава 2

– Подъем, славяне! Боевая тревога! В ружье! – заорал, ворвавшись в землянку, старший сержант.

Завтракавшие в землянке солдаты сразу после его команды оставили на столе свои котелки, кружки и ложки и устремились к двери, на ходу хватая с нар шапки и ватники, беря из пирамиды и со стен оружие.

– Шукин, за мной, остальные с сержантом Паниным! – Каманин принял у Егора автомат, давая возможность тому застегнуть на груди ватную куртку и затянуть на поясе ремень.

Едва они немного отделились от места расположения взвода, как лицом к лицу столкнулись в петляющей траншее с тем самым невысоким лейтенантом из дивизионного санитарного батальона, носившим короткополюю шинель, высоко перетянутую ремнем, и постоянно сползающие к кончику носа очки в роговой оправе. За офицером следовали, судя по виду, санитар и два солдата с винтовками за спиной. Быстро поприветствовав того по уставу и проскочив мимо, разведчики побежали дальше, и лишь спустя минуту, сделав короткую остановку, Каманин пояснил Егору, что происходит и куда идет лейтенант с санитарями:

– С проверкой идут. Землянки осматривают. Следят, чтоб антисанитарии не было. Сейчас на вшей проверять будут всех, кого поймают.

– А нас чего не остановили? – спросил, пытаясь восстановить сбитое бегом дыхание, Егор.

– А чего нас останавливать, если мы куда-то в полной боевой бежим. Явно, что по делу, – прокомментировал Каманин, махнув рукой товарищу в сторону направления, куда им следовало двигаться дальше. – Сейчас найдем ротного из стрелкового полка. Он нам все скажет.

Егор бросил удивленный взгляд на старшего сержанта, но не стал ничего спрашивать, рассчитывая на скорое для себя прояснение обстановки.

– Пару дней назад диверсанты у нас в тылу объявились, – отвечая на молчаливый вопрос товарища, сказал Каманин, решив на ходу довести до своего друга сложившуюся ситуацию.

Миновав длинную петляющую траншею, повсюду имевшую массу ответвлений и коридоров для входа в блиндажи, всевозможные ниши, навесы и проходы, они обогнули лесок и вбежали в следующий, где сбавили ход и начали осматриваться, будто бы отыскивая кого-то глазами.

– Одеты в нашу форму, – продолжил говорить старший сержант, – маскировочные комбинезоны, точно как у нас, пятнистые, что недавно получили. С нашим оружием. Ребята их видели. Ну, дел они уже натворили.

– Этот, – махнул Егор рукой в сторону, заметив вдали, за стволами деревьев высокого, под стать рослому Каманину, парня в обычном воинском облачении.

На нем был короткий солдатский ватник без погон, выцветшая фуражка на голове, грудь перехвачена ремнем автомата, что расположился за спиной. На боку висела кожаная командирская сумка, выдававшая в человеке принадлежность к офицерскому составу.

– Он! – констатировал старший сержант, меняя направление движения, чтобы подойти и встретится с ним.

– Здоров! – коротко и по-простому бросил офицер Каманину в знак приветствия и тут же кивнул Егору, здороваясь с ним.

– Красноармеец Шукин, – козырнул в ответ Егор, вскинув к виску руку. – Здравия желаю. Ротный посмотрел на Егора и спросил у Каманина:

– Тот самый, что ли?

– Ну да! Он и есть! – прозвучал будничным ответ.

– А так и не скажешь, что герой! – Ротный окинул разведчика взглядом с ног до головы. – Ростом больно маловат.

Не дожидаясь ответа, он направился вперед, пригибаясь под торчащими во все стороны ветками деревьев и перешагивая через кочки и низкий кустарник.

– Какой есть, – тихо ответил ему вслед Каманин.

Пройдя несколько сотен метров, офицер остановился на выходе из лесного массива, вскинул к глазам бинокль и, не поворачиваясь в сторону разведчиков, начал говорить:

– Их немного. Вчера засветились. Ребята из патруля одного видели. Пытались взять, да упустили. А уже вечером их команда хотела на зенитчиков напасть, что в трех километрах отсюда стоят. Да там паренек на посту ушлый оказался, в бой с ними вступил. Позавчера ребята из транспортной роты своего водителя мертвым нашли в кустах неподалеку от брошенной машины. А перед этим вестовой из соседней роты нашего батальона пропал. Тоже мертвым нашли, ножом его уделали. Видно, пытаются «языка» взять, да работают топорно. Линию фронта перешли грамотно, никто не засек, а уже в нашем тылу себя выдали. Теперь блокировать хотим. Вот в этом квадрате, похоже, что мы их обложили.

Офицер взмахом руки указал на район действия.

– Этот лес километра на полтора на север идет, – сказал Егор. – А справа налево не меньше двух с просеками. В основном он довольно редкий. Только деревья в нем с низкой ветвистостью. Идти быстро не получится.

– Шукин местный, товарищ старший лейтенант, потому так и говорит, – пояснил Каманин ротному слова разведчика.

– Вот и отлично! – отреагировал офицер. – Мне это и нужно. Моя рота сейчас должна начать прочесывание с севера и выйти на нас. Еще две команды от соседних рот по флангам будут действовать. Так что выйти фрицы должны прямо на нас. Ну, или почти на нас.

– И что? Нам втроем их встретить надо? – Каманин удивленно посмотрел на офицера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.